

УДК 930.2(73)''19'':281.93(045)

*А.И. Макурин, В.В. Макурина***ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В США: ТЕМА ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье исследуется образ русского духовенства на основе анализа публицистической литературы, в том числе, в периодической печати США. На протяжении небольшого отрезка времени в конце XIX – начале XX вв. Россию посещали путешественники, ученые, инженеры, журналисты и политические деятели, наблюдения которых нашли отражение в опубликованных ими книгах и статьях. Данный период очень важен, так как в это время происходили процессы, вызвавшие всплеск интереса к России. Сочинения американских авторов представляют собой важный и оригинальный источник, в котором особое внимание уделяется устройству российского социума и, особенно, священникам, составлявшим значимый сегмент Российского общества. Описание этой социальной группы, транслированное американской читательской аудитории, и сопровождавшееся оценками, способствовало формированию определённого образа всего российского общества и государства. Поэтому анализ публицистической литературы о священниках существенно дополняет социальный образ Российской империи начала XX в.

Ключевые слова: православное духовенство, американская публицистика, начало XX века, образ России.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-76-86

Публицистические работы американских авторов начала XX в. дают возможность взглянуть со стороны на такой небольшой по масштабам, но социально значимый сегмент общества императорской России, как священники. Во-первых, публицистический нарратив, создаваемый иностранными наблюдателями, может быть использован как дополнительный первоисточник для изучения социального положения российского священничества. Во-вторых, описание русского духовенства, транслированное американской аудитории, и сопровождавшееся оценками, способствовало формированию определённого образа российского общества и государства. Поэтому анализ публицистической литературы о священниках существенно дополняет социальный образ Российской империи начала XX в.

Тема церкви и православного духовенства в России присутствовала во многих публикациях, авторами которых выступили политические и общественные деятели, журналисты, путешественники и представители бизнеса из США. Значительное внимание вопросам роли церкви и духовенства в общественной и политической жизни России уделили в своих очерках такие авторы, как сенатор А. Беверидж, журналисты У. Уоллинг и Э. Пул, несколько заметных английских публицистов, которые писали для американских читателей. Эти очерки были полностью посвящены России и основывались на опыте личного знакомства авторов с Россией на рубеже XIX–XX вв.

В публицистическом очерке американского сенатора-республиканца от штата Индиана и видного политического деятеля «эры прогрессизма», историка Альберта Бевериджа была написана глава о церкви и социальном положении русских священников [14, с. 354]. В 1901 г. Беверидж предпринял путешествие по России, преодолев огромное расстояние от Петербурга до Иркутска по железной дороге, а затем проследовал через Пекин и Шанхай в Японию. Поддерживая идею укрепления экономических связей между Россией и США, сенатор рассматривал строительство Транссибирской железнодорожной магистрали как возможность для США получить преимущество над Европейскими странами на Восточных рынках. Вместе с тем, значительную часть очерка автор уделил описанию и анализу сферы социальной жизни России, чтобы понять причины и природу активности Российского общества и государства в деле освоения сибирских территорий.

По мнению американского сенатора, невозможно понять природу русского общества, не понимая значимости религиозной стороны его жизни, а «религиозная сторона – это все его стороны» [14, с. 338]. Самым необычным и примечательным явлением православной церкви в России, в сравнении с Европой и США, согласно оценкам иностранных наблюдателей, было разделение духовенства на черное и белое. Беверидж определял черное духовенство как самый важный фактор управления такой «крупнейшей церковной организацией», какой являлась православная церковь в России [14, с. 354]. Вместе с тем, сенатор отмечал, что черное духовенство постепенно вымирало, свидетельством чего являлось ежегодное сокращение его численности. Беверидж социальное положение православного духовенства с положением аналогичных категорий клира в США и приходил к выводу,

что в России высшая категория священнослужителей является более многочисленной в соотношении с рядовым духовенством, чем в большинстве конфессиональных групп США. Уровень материального благосостояния белого духовенства также оценивался Бевериджем как более низкий по сравнению с материальными условиями жизни подобных социальных групп в иных странах. Принципиальное отличие русского православного клира от американских священников состояло в отношении к собственной пастве. Американский сенатор отмечал презрительное отношение священников к русскому крестьянству и безразличие к чаяниям своего народа. Такое состояние дел было невозможно представить среди протестантских или католических священников Америки. Столь категоричные оценки Бевериджа не были продиктованы национальными предубеждениями, как можно подумать, а основывались на нескольких источниках. Первым из них был русский фольклор, в котором весь нарратив о попах сводился к вопросу выживания в сложных условиях, что соответствовало действительности, полагал сенатор. Еще одним источником формирования взглядов Бевериджа стали идеи Л. Н. Толстого, с которым он встретился в начале своей поездки в Россию [14, с. 256].

Американские и британские авторы отмечали, что некоторые русские писатели, чьи имена были значимы для прогрессивной общественности, выражали негативное отношение к священникам и отвернулись от них. По мнению английского журналиста Бернарда Пэрса, в России осталось немного представителей этой социальной группы, кто сохранял приверженность идеям прогресса, способствовал совершенствованию крестьянского хозяйства. Русское общество отмечало заслуги немногочисленных священнослужителей, добивавшихся улучшения крестьянского быта и помогавших развитию образования в деревне, отмечал Пэрс [17, с. 130]. Однако в целом, русское православное духовенство уступало, в сравнении с духовенством Запада, в уровне культуры и образования [17, с. 6]. Прав ли был Пэрс?

Исследования по истории духовенства и косвенно и прямо подтверждают оценки британского журналиста. Несмотря на то, что духовенство относилось к числу самых образованных слоев русского общества рубежа XIX–XX вв., уровень образования «белого духовенства» (уровень протоиереев, священников, дьяконов), как показывают исследования, в целом снизился с 64,9 % в 1853 г. до 52,2 % в 1904 г. [3, с. 58]. Грамотность всего духовного сословия расширялась за счет начального образования, но уровень образования становился ниже, поскольку доля священников, имеющих образование выше среднего, становилась меньше. Большинство священников по своему интеллектуальному развитию не соответствовало «предъявлявшимся к ним, как пастырям, духовным требованиям» [3, с. 60].

Подобно сенатору Бевериджу, Пэрс отмечал, что власть в Русской Православной церкви принадлежала черному духовенству, и на все высшие должности назначались только выходцы из монашеской среды. Данное обстоятельство для Пэрса являлось свидетельством миссионерского характера русской церкви, о чем он писал в специальной главе своего очерка «Россия и реформы», вышедшего в 1907 г. На это обстоятельство обращали внимание авторы англоязычных травелогов. Так, военный врач из США Н. Сенн, путешествовавший по России в 1902 г., также указывал на эту особенность [20, с. 112].

Давая описание различных традиций, в том числе, сложившихся во время пореформенной России, Пэрс усматривал в деятельности священников выполнение ими идеологической и политической функции. Эту функцию священник выполнял, например, когда приводил к присяге волостного старшину и эту процедуру Пэрс описал в своей книге. Старшина давал клятву верности царю, а священник делал нравственные наставления своей крестьянской пастве и высказывался о вреде пьянства, которое являлось причиной всех бед [17, с. 106]. Продолжавшееся в течение двух недель празднование дня Николая-чудотворца, когда священники посещали своих прихожан, делало невозможным какую-либо работу. Пьянство как социальное зло, распространенное среди крестьянства и сельских священников, отмечалось в различных публикациях. О распространении пьянства среди духовенства в русской литературе написано много. Свидетельства этому мы находим в мемуарной литературе самих духовных служителей. Например, воспоминания протоиерея А. И. Розанова дают яркую картину пьянства среди прихожан, где «сельскому духовному лицу нужен твердый-твердый характер, чтобы не сделаться пьяницей» [7, с. 6]. Большинство претензий в адрес духовенства во второй половине XIX в. было связано с «нетрезвой жизнью» [3, с. 62].

Глава «Церковь» была посвящена описанию системы управления епархиями, а также рассказывала о подготовке священников в семинариях. Во главе церковной организации епархии стоял епископ, который обладал большими полномочиями, в том числе мог осуществлять суд по религиозным правонарушениям. Автор обращал внимание на высказывания мирян о коррумпированности этого суда.

Духовным интересам церкви при К. П. Победоносцеве был нанесен ущерб, поскольку он контролировал назначения епископов, которые, по сути, превратились в «секретарей» обер-прокурора, а сама церковь служила государству в репрессивных интересах.

Затронутая Пэрсом проблема использования церкви как репрессивного инструмента внутренней политики возникла в публичном пространстве намного раньше. Начавшееся в 1880-е гг. давление на католическую церковь и лютеранских священников Прибалтийских провинций, переросло в репрессии. Пасторы не только отстранялись от должности, но подвергались ссылке и тюремному заключению. Эти преследования нанесли значительный урон международной репутации России и к 1893 г. даже их инициатор К. П. Победоносцев призвал прекратить эту политику [11, с. 800].

Впервые сюжет о репрессиях в отношении католиков и лютеран с точки зрения компетентного эксперта попытался изложить в журнале “The Century Magazine” дипломат, бывший в 1892–1894 гг. посланником США в России Э. Уайт, который в целом занимал критическую позицию в отношении России. Вместе с тем, он довольно прагматично оценивал деятельность обер-прокурора Синода. Его представления о происходивших в стране процессах строились на основании личных встреч с Л. Н. Толстым и Победоносцевым. Последнему и была посвящена статья, в которой Уайт писал: «никому в России не предъявлялись столь резкие обвинения. Повсеместно утверждалось, что именно он несет ответственность за преследования католиков в Польше, лютеран в прибалтийских провинциях и Финляндии...» [23, с. 113]. Автор статьи указывал, что в английских обзорах о нем писали, как о «Торквемаде XIX века». В то же время дипломат отзывался о Победоносцеве, как об ученом и добром человеке и полагал, что поддерживаемая им репрессивная политика основана не столько на его богословских взглядах, сколько на «его убеждениях государственного деятеля», видевшего в православии «цементирующую силу огромной империи» [23, с. 113]. Победоносцев никогда не стеснялся говорить о недостатках церкви, уверял Уайт, и искренне желал искоренить злоупотребления среди представителей духовенства.

Схожую позицию занимал сенатор Дж. Ф. Хоар, аболиционист и радикальный республиканец, написавший письмо Победоносцеву после выхода статьи Уайта. Из этого письма следовало, что Хоар рассматривал политику уголовного преследования католической и протестантской оппозиции как вполне логический результат веры в то, что «император обладает божественной властью, как глава церкви» [8, ф. 1574, оп. 2, д. 219, л. 51]. В США принято считать, сообщал Хоар, что «русский народ приписывает Императору божественный характер и авторитет» [8, ф. 1574, оп. 2, д. 219, л. 51]. Вместе с тем, по мнению Хоара, авторитетные источники уверяют, что подобная вера распространена только среди крестьянства, а высшие слои общества этой веры не разделяют.

В 1905–1906 гг. для освещения революционных событий Россию посетил Уильям Уоллинг, американский журналист и общественный деятель. Его очерки о социальных проблемах России в журналах, издаваемых в США (“The American Workmen”, “The Independent”, “The Atlantic Monthly”) принесли журналисту широкую известность [21, с. 47]. Уоллинг подчеркивал, что священники в России зависели от власти. Он описывал случаи, когда священники, в соответствии с инструкцией от начальства, должны были проводить беседы с крестьянами. Это вызывало возмущение крестьян, которые в знак протеста переставали выполнять работы для священников, переставали посещать церковь.

С другой стороны, священники экономически зависели от крестьян, которые должны были платить за необходимые церковные службы натурой. А служители церкви при этом являлись «политическими агентами правительства» [22, с. 154]. Об этих обстоятельствах писал уже упомянутый Б. Пэрс. Он указывал на то, как женатые священники, обремененные большой семьей, стремились не столько заслужить уважение прихожан, сколько добиться назначения в «хлебный» приход, выслуживаясь перед начальством из Синода [17, с. 134].

Духовенство также страдало в своем зависимом от прихожан положении. Многие церковные деятели и публицисты именно в этом видели причину падения авторитета духовенства. «Собирая с народа по копейкам, как попрошайка, и завися экономически от милости прихожан, какое духовное влияние может иметь наш сельский священник?», – писал церковный историк И. Г. Айвазов [1, с. 11].

За исполнение служб по требованию населения (треб) священно- и церковнослужители получали плату денежную или натуральную. Цена за совершение крещения, венчания и отпевания могла сильно различаться в разных регионах империи, и даже в пределах одной епархии. Так, например, за крещение младенца в пределах Вятской епархии в 1860-х гг. священники требовали от 14 до 40 коп., за обряд венчания – от 50 коп. до 10 руб. [8, ф. 804, оп. 1, разд. 1, д. 28]. Плата за требы была регла-

ментирована еще в 1765 г., однако, с течением времени стала определяться традицией. Чаще всего она устанавливалась самими священнослужителями по договоренности с прихожанами [6, с. 106–107]. Но слишком высокие, по мнению прихожан, расценки на требы неоднократно становились причинами жалоб на духовенство. Так, корреспонденты Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева фиксировали случаи острых конфликтов между прихожанами и православным причтом из-за средств содержания духовенства в Орловской, Нижегородской, Вологодской и др. губерниях [4, с. 168–169].

Развивая тему идеологической и политической роли русского духовенства, «ниспровергатель мифов» о России Чарльз Янг в книге «Униженная Россия» сравнил власть императора с полномочиями британского монарха, подобно которому он мог «назначать епископов, но не как церковных сановников, ибо он не может рукополагать в священнический сан», а как своих политических ставленников [24, с. 49–51].

Родившийся в России и эмигрировавший в раннем детстве в США, автор книги побывал в России в 1907 г. с коммерческой целью, но собрал большой материал, опубликованный в ряде статей, а затем представленный в одной работе. Янг стремился показать американцам объективный образ России, стараясь «проводить аналогии с американским опытом с целью доказать, что русские во многих отношениях достойны не только порицания, но и похвалы» [2, с. 981].

В русской православной традиции он замечал много схожего с католицизмом, в частности, поклонение русских иконам сравнивается с аналогичным поведением верующих в Польше, а прикосновение лбом к земле при поклонах представлялось Янгу странным и напоминало поведение мусульман, с той лишь разницей, что у последних нет изображений людей в храмах. Автор наблюдал очень необычную для него картину, когда множество людей, пришедших в часовню Воскресенских ворот Китай-города, стоя на коленях перед изображением Иверской Божьей матери, целовали чудотворную икону. Подобное поведение людей представлялось Янгу ничем иным, как проявлением гигиенической неграмотности. Такой ритуал, по выражению автора, мог вызвать трепет разве что у верующих эпохи раннего христианства, подверженных влиянию суеверий, нежели у современных людей.

В книге «Основные движущие силы России» (1914) британского публициста Мориса Баринга, известного английскому читателю многочисленными работами о России, имеется отдельная глава о русской церкви. В ней Баринг уделил внимание такой стороне жизни священников, как осуществление православных обрядов. Наблюдая «соборование», он пришел к выводу, что эта процедура была похожа больше на лечение больных, нежели на подготовку к смерти [12, с. 220].

В более раннем очерке «Год в России», опубликованном в 1907 г., Баринг обращался к вопросу семейно-брачных отношений в священнической среде, указывая на особо жесткие правила, установленные православной церковью в отношении брака священнослужителей. После рукоположения священнику не разрешалось сочетаться браком, тем не менее, духовенство в целом не отделено от сферы семейной жизни, – сделал вывод Пэрс, – свидетельством этого являлась обязанность священников заключать брак до рукоположения в сан [13, с. 106]. Баринг довольно точно обрисовал требования брачного права для священников и церковнослужителей, подчеркивая, что Православная Церковь отстаивала неразрывность брака. Однако на практике неверность одной из сторон могла признаваться основанием для развода, уточнял Баринг. Нарушение супружеской верности рассматривалось как основание для расторжения брака, при этом правом вступить в повторный брак обладала только сторона, пострадавшая от супружеской неверности [12, с. 220].

Баринг, подобно Пэрсу и Янгу, проводил параллели между православными и католическими церковными традициями. Акцентируя внимание на различиях в догматах, он приводил в качестве примера догмат о папской непогрешимости и ошибочно указывал, что в православной доктрине отрицается догмат о непорочном зачатии. Однако на этом расхождении между двумя христианскими церквями завершаются. В остальном Баринг видел много сходств, в том числе в праздниках, основной цикл которых у православных верующих не отличается от католической традиции. Упомянув о праздновании Пасхи в Москве, Баринг особо выделил описание службы и церковного облачения священников, одетых в «белое и серебро» [13, с. 165]. Наибольшее впечатление на Баринга произвел церковный хор, певший профессионально, гармонично и без музыкального сопровождения. «Ничего подобного в мире нет», – утверждал автор очерка [13, с. 165]. Не меньшее восхищение Баринга вызвали и сами служители, мужественно переносившие тяготы продолжительной праздничной службы. После строгого поста, подразумевающего запрет на употребление продуктов животного происхождения (масло, молоко и яйцо), священники проводили службу, существенно превосходящую по дли-

тельности такую же службу в католической церкви. При этом католическая традиция к этому времени предполагала отказ во время поста только от мясных продуктов.

Сравнение Православной и Католической церквей в книге «Год в России» сопровождается колоритным описанием крестного хода, увиденного Барингом в Храме Христа Спасителя в Москве во время празднования Пасхи. Автор весьма подробно и точно давал описание православных традиций. Первая пасхальная служба в храме завершается пением «Христос воскрес» (“Christ is risen”), когда священник трижды целует собравшихся. После этого каждый из собравшихся (прихожан) целует другого прихожанина со словами «Христос воскрес», а другой ему отвечает – «Воистину воскрес» (“He is risen, indeed”). При этом полковник может целовать сержанта (по всей видимости, имеется в виду унтер-офицер, звание которого приравнивалось к сержантскому), а сержант – остальных и далее по очереди. По признанию Баринга, пение в храме было несравнимым и настолько восхитительным, что только ради этого стоило приехать в Москву [13, с. 165]. Церковная служба и, особенно, песнопение в православном храме вызывали восхищение и у некоторых американских путешественников, приезжавших в Россию. Хелен Краметт, наблюдавшая службу в Благовещенском соборе Иркутска в 1912 г., в своем очерке признавалась: «Музыка взволновала и успокоила меня» [16, с. 70].

Своеобразный инсайдерский взгляд на российское духовенство представил американским читателям родившийся в России и получивший британское гражданство в 1898 г., еврейский эмигрант А. С. Раппопорт. Он занимался изучением древней фольклористики, вместе с тем, его интересы распространялись на современную Россию [15, с. 443–445]. В 1913 г. в Нью-Йорке вышла одна из его книг о России, которую он посвятил описанию повседневной жизни русского крестьянства, в том числе в религиозной сфере [18]. Один из разделов его труда рассказывает о жизни приходского духовенства.

Характеристику русского православного духовенства он начал с выяснения особенностей института брака и семьи в среде приходских священников в западной и русской православной церкви. Русские «похваляются», писал Раппопорт, что православные приходские священники не дают обет безбрачия, в то время как на западе это требование является обязательным. И вновь, вслед за Пэрсом и одновременно с Барингом, Раппопорт обратил внимание на то, что русский священник не мог жениться после рукоположения, и поэтому у выпускника семинарии было несколько недель после завершения обучения, чтобы найти свою благоверную до рукоположения. И хотя о браке по любви здесь говорить не приходилось, он получал приданное, даже если оно не велико. В среде же беднейших крестьян брак рассматривался церковью как «спаривание животных» и поэтому любовь и эстетические чувства здесь не играли никакой роли. Проявление чувства в браке для православной церкви – есть возвращение язычества. Поэтому счастье семейной жизни, наслаждение от воспитания детей и общения с родителями, заключал Раппопорт, – все это не знакомо большинству русских за исключением образованных слоев общества. Цель русской церкви Раппопорт сравнивал с целью католических миссионеров, для которых главное, чтобы было побольше дикарей, которых можно обратить в свою веру. Нужно, чтобы крестьянские семьи приносили как можно больше детей и преумножали паству православной церкви [18, с. 105–106].

Приходские священнослужители, единожды женившись, более не могли вступать в брак, даже становясь вдовцами. Церковь не давала на это своего разрешения и поэтому, заключал Раппопорт, священники так часто морально опускались, становясь пьяницами, картежниками и заводили внебрачные связи. Таким образом, первый брак священника являлся лишь результатом стремления противопоставить православную традицию традиции католической. Семейная жизнь не рассматривалась как состояние счастья, а библейская традиция понимания сущности брака и семьи в православии игнорировалась. Семейная жизнь приходского священника, порядок наследования имущества его дочерьми, существовавшие ранее ограничения на профессиональную деятельность для сыновей – все это свидетельствовало о замкнутости социального статуса священников, считал автор. Священники были настолько изолированы от светской жизни, что в результате, когда «каста» священников разрослась, для вновь вступающих в сословие священников средств к существованию уже не хватало.

Раппопорт считал приходского священника беднейшим из беднейших, и потому самым колоритным персонажем, внешность которого в обыденной жизни не соответствовала его социальному статусу. «И когда он надевает облачение священнослужителя, кажется, что он перевоплощается» [18, с. 107].

Значимость внешних обрядов для православия подчеркивалась многими авторами. Раппопорт уверял, что все отпочковавшиеся от церкви секты расходились с официальной церковью лишь по вопросам обрядов, но не по идейным соображениям. Русские вообще никак не затронуты теми идейными разногласиями, которые разделяют Запад и Восток, и поэтому с наименьшим желанием жертвуют деньги священникам. «Отношение духовенства к народу здесь не такое, как у нас, а священник не является пастырем для своей церкви», – отмечал Н. Сенн, он всего лишь носитель культа и распространитель святых таинств [20, с. 113]. Его уважают больше за его должность, чем за его личность.

Положение приходского духовенства Раппопорт определял как худшее, чем положение обычного крестьянина. Он описал непростой быт и трудные условия выживания приходского священника. Его домом фактически является официальная резиденция, в которой принимаются различные высокопоставленные гости и простые постояльцы. Он должен держать прислугу и нанимать работников на летний период для работы в хозяйстве. В случае его смерти его дочери не могли наследовать имущество и дом. Поэтому так часто священники предпочитали направлять своих сыновей по своим стопам и становиться священниками, а дочерей выдавать замуж за семинаристов. В этом случае, пишет Раппопорт, «избранник получает дочь и хорошее место». В дореформенной России сыновья приходского священника, как правило, шли по стопам отца и наследовали его должность. Другой американский журналист В. Ширбранд указал на это обстоятельство и сделал вывод: детей священников можно было встретить среди различных слоев русского общества [19, с. 192].

В целом же описание условий жизни священнослужителя сопровождается использованием таких слов и выражений, как «плохие пироги», «плохое мясо», «содрогаться от горя», «небольшая прибыль», «старая еда, овсяное и конопляное масло, черствый хлеб, жидкий суп» и т. п. Данное описание скудного быта семьи священника Раппопорт завершил выводом о том, что жизнь приходского священника в действительности тяжелее жизни крестьянина. Священник в деревне влачил жалкое существование. Материальное благополучие священно- и церковнослужителей зависели от прихода, численности и богатства прихожан. Так, клир крупных городских, в особенности, столичных соборов был весьма обеспечен. Но большинство священников, диаконов и причетников трудились в сельских храмах, часто – с немногочисленной и бедной паствой. Положение стало меняться в пореформенный период, но бедность всегда оставалась характерной чертой приходского священничества.

Доходы служителей приходских церквей поступали из самых разнообразных источников. Еще в XVIII в. были установлены нормы выделения земли для обеспечения духовенства приходских храмов. Обычно в состав надела входила усадебная, сенокосная и пахотная земля, иногда – лесные угодья. На причт (священник, диакон и псаломщик) полагалось 33 десятины. Если приход был многопричтный, то надел следовало увеличивать: на двухклирный причт – 66 десятин, на трехклирный – 99. Землю выделяли из казенных или общинных фондов. Иногда при открытии новых приходов крестьянские общины отдавали духовенству неудобные, расположенные далеко от села, неплодородные участки. Во второй половине XIX в. в наиболее плотно заселенных районах империи крестьяне отнимали землю у причтов. В 1883 г. был подтвержден закон о том, что крестьяне не имеют права самовольно занимать земли, отведенные церквам для «довольства» духовенства [1, с. 13]. Земельный надел принадлежал церкви, а не ее служителям, которые его только использовали. Зачастую, священно- и церковнослужителям приходилось самим пахать или косить. Но, поскольку у приходского духовенства было немало обязанностей, на обработку надела силами своей семьи времени не хватало. Поэтому священники нанимали работников или сдавали землю в аренду прихожанам за денежную плату или часть урожая.

Еще одним источником доходов духовенства являлись пожертвования прихожан, как правило, натуральные. Так называемая добровольная руга обычно становилась хлебным сбором, состоявшим из основных возделываемых в регионе культур – ржи, пшеницы, ячменя, овса. В качестве добровольных пожертвований духовенству поступали также масло, яйца, мясо, лен, шерсть. Ружный сбор делился между членами причта: священнику полагалось три доли, диакону – две, а псаломщику – одна. В неурожайные годы руга резко уменьшалась. Приходское духовенство должно было самостоятельно собирать ругу, для чего дважды в год, летом, на Петров день, и осенью, после сбора урожая, члены причта объезжали приход или закрепленную за ними часть прихода. Подобное положение воспринималось духовенством как унижение их достоинства, поскольку многие прихожане отдавали хлеб весьма неохотно, сопровождали выплату обидными, оскорбительными замечаниями, а иногда прогоняли служителей церкви или запирали перед ними двери.

Еще при Павле I была введена практика назначения денежной платы духовенству самых бедных приходов [10, с. 45]. Проблема материального обеспечения духовенства начала кардинальным образом решаться при Николае I, когда в 1842 г. были утверждены штаты содержания духовенства. Прежде всего, государственным жалованием обеспечивались причты церквей западных епархий, поскольку духовенству этих епархий приходилось противостоять хорошо обеспеченному католическому духовенству, а также причты церквей Сибири и «инородческих» окраин Российской империи. Ежегодно норма отпуска денег духовенству должна была увеличиваться, чтобы постепенно все приходские духовные лица были обеспечены государственным жалованием. В 60-х гг. XIX в. была сделана попытка пойти по иному пути в решении задачи улучшения содержания духовенства – за счет сокращения количества церквей и причтов. Но Александр III с 1893 г. восстановил практику назначения жалования духовенству, в первую очередь – беднейшим причтам, доходы которых в год не превышали трехсот рублей [1, с. 27]. В случае назначения жалования священнику полагалось за вычетом двух процентов в пенсионный фонд 294 руб., диакону – 147, а псаломщику – 98 руб. в год.

Некоторые причты получали доход от денег, вложенных в процентные бумаги. Обычной банковской ставкой были 5–6 % годовых. Этот источник доходов был более характерен для духовенства городов или крупных сел, где была развита торговля, для причтов церквей при заводах. Их прихожане имели возможность жертвовать и завещать достаточно крупные суммы на содержание служителей церкви. Такие завещанные или пожертвованные суммы составляли капитал церквей в процентных бумагах. Использовать сам капитал было нельзя, однако процентные отчисления становились доходом духовенства.

Моральное состояние священника Раппопорт описывал наиболее часто употребляемыми выражениями: «ежедневные заботы» (замужество дочерей, содержание хозяйства, обеспечение будущего сыновей, обеспечение своего будущего), «испытывать нужду» (скудное питание, плохая одежда).

Священник все время мечтает о чем-то недостижимом и ему очень повезет, если он добьется чего-то достаточно умеренного (например, если сохранит свое место, если у него будет сын, который унаследует приход, если дочь выйдет замуж за священника). Священник вынужден ежедневно бороться за свой хлеб, над ним постоянно нависает какая-либо угроза. Автор эссе ставил вопрос, а каким образом такой нищий и несчастный поп может оказывать какое-либо влияние на «мужиков», а также завоевать авторитет последних? У него есть ответ на этот вопрос. По мнению Раппопорта, приходские священники бежали от нужды в Москву, Петербург и другие города [18, с. 115]. В довершение в сочинении Раппопорта говорится о том, что попы являются частыми персонажами фольклора и предметом для шуток и насмешек.

Источником для Раппопорта, по его же словам, стали воспоминания М. Е. Салтыкова-Щедрина, однако текст эссе очень напоминает по стилистике и содержанию «Записки сельского священника» А. И. Розанова [7]. Записки были опубликованы в 1882 г. и вызвали широкий резонанс в русском обществе. В иностранной публицистике о России они стали наиболее популярным источником о повседневной жизни православного священничества. В. Ширбранд охарактеризовал записки как произведение, не приукрашивающее русскую действительность [19, с. 192].

Американские публицисты были очень близки к истине. Существование приходского священничества было жизнью в нужде и постоянном поиске дополнительного дохода. Это снижало активность священников и отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с прихожанами [9, с. 19].

Утвердившееся представление о слабом авторитете православной церкви в русском обществе инспирировало американские организации методистов, баптистов и адвентистов к миссионерской деятельности в России [2, с. 913]. Характеризуя образ России в США на рубеже XIX–XX вв., В. И. Журавлева приводит в своей монографии выдержку методиста Дж. Симонса, который «информировал Совет иностранных миссий методистской церкви, прибыв в Санкт-Петербург осенью 1907 г.: «Православная церковь не в состоянии проповедовать... Большое число верующих покидает этот языческий институт, впадая в агностицизм и распущенность. Сейчас самое время идти к ним с Евангелием жизни, света, свободы и правды» [2, с. 913].

К началу XX в. православное духовенство пришло в весьма сложном состоянии. Великие реформы 1860-х гг. запустили процессы, размывавшие духовенство, как замкнутую социальную группу. Так, в семинарии и духовные академии получили доступ представители не только духовного, но и других сословий. Выпускники семинарий зачастую избирали для себя не служение церкви, а гражданскую службу. С другой стороны, дети приходских священно- и церковнослужителей могли получать не только духовное образование, а, следовательно, искать себе светской службы [5, с. 366].

Постепенно изменялась практика наследственного занятия мест в приходах. Далеко не всегда сыновья священно- и церковнослужителей выбирали делом жизни службу в отцовском приходе. Часто дочери священников не могли выйти замуж за семинаристов. Поэтому епархиальное начальство самостоятельно решало кадровый вопрос, назначая в приходы выпускников семинарии, не учитывая вопросы родства.

В целом, отношение российского общества к православному духовенству было двойственным. С одной стороны, в народе сохранялось традиционное почтение к священническому сану, соблюдались обряды, отмечались церковные праздники. Церковь оставалась важным институтом для большинства населения Российской империи. Однако, бедность, низкий уровень образования, пьянство священников были «маркерами» кризисных явлений в среде духовенства. Б. Н. Миронов, рассматривая социальную историю России, назвал духовенство «маргинальным сословием», к которому все предъявляют претензии и выражают недовольство [5, с. 373].

Публикации американских и британских авторов, во-первых, отражали самые злободневные вопросы морального и материального состояния русского православного духовенства в начале XX в., а, во-вторых, транслировали американскому и британскому читателю оценки его общественной и политической роли. Для таких политических деятелей, как Беверидж тема священников была важна потому, что он старался показать формальную институциональную значимость церкви, являющейся одной из политических основ империи и отличающейся от европейской церкви лишь внешними атрибутами. Для американских публицистов («джентльмены-социалисты» Уоллинг и Пул), находившихся в России в годы революции 1905–1907 гг., гораздо больший интерес представляла острая социальная и политическая проблематика, затрагивающая самые низы русского общества, поэтому их внимание было сосредоточено на социальных «язвах» и противоречиях в жизни священников. Описание быта духовенства дополняло образ бесправной России, подвергающейся преследованию властей. Британские журналисты, как правило, углублялись в нюансы повседневной жизни духовенства, что отражало интерес к тому, как менялась русская действительность в условиях модернизирующегося общества. Наконец, авторы травелогов отражали наиболее яркие впечатления о России, в том числе о священниках, подчеркивали набожность русского народа.

Тема священников и роли церкви в общественно-политической жизни Российской империи приобретала на рубеже XIX–XX вв. все более значимое место в американском и британском нарративе о России. Публикации авторов из Великобритании и США позволили внести новые черты в восприятие русского общества, и этому способствовало более детальное рассмотрение жизни отдельных социальных слоев. Новизна в понимании образа России состояла в появлении очевидной амбивалентности оценок церкви и духовенства: с одной стороны, американские авторы замечали особую роль церкви и священников в жизни общества, государства и личности, с другой – видели, что церковь и сама религия воспринимались как формальный атрибут даже среди основной – крестьянской части страны. Духовенство одновременно выступало и как часть государственной машины, и как жертва этой машины.

Существенно расширилась источниковая база публикаций. Чаще всего авторы не указывали свои источники, хотя ссылки на некоторые данные позволяют утверждать, что среди источников присутствовали статистические материалы, опубликованные в России. Все рассмотренные публикации создавались теми, кто приезжал в Россию и важно отметить то значение, которое имела строящаяся Транссибирская железнодорожная магистраль. Она влекла многих современников, а путешествие по ней позволяло увидеть многие стороны жизни страны от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока. Важнейшим источником информации служили контакты как с видными представителями русской общественности и высокопоставленными государственными деятелями (Л. Н. Толстой, М. И. Хилков, К. П. Победоносцев и С. Ю. Витте), так и с простыми жителями страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазов, И. Г. Церковные вопросы в царствование императора Александра III-го. Москва: Печ. А.И. Снегиревой, 1914. [2]. – 83 с.
2. Журавлева В. И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.
3. Конюченко А. И. Православное белое духовенство России в социально-демографических измерениях (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2005. № 7 (47). С. 56–67.

4. Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: этнографические исследования и материалы / отв. ред. О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2002. С. 156–178.
5. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в трех томах. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2014. Т. 1. 2014. 896 с.
6. Пулькин М. В. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.) / М. В. Пулькин, О. А. Захарова, А. Ю. Жуков. М.: Круглый год, 1999. 208 с.
7. Розанов А. И. Записки сельского священника. Быт и нравы православного духовенства. Записки пересмотр, и испр. авт. А. И. Розанов. Санкт-Петербург: [б. и.], 1882. 324 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 804. Присутствие по делам православного духовенства при Синоде; Фонд 1574. Победоносцев, Константин Петрович, обер-прокурор Синода, член Государственного совета.
9. Седова О. В. Повседневная жизнь русского духовенства в начале XX века в повести Д. Г. Булгаковского «В стороне от жизни» // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 17–24.
10. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус. панорама, 2003. 479 с.
11. Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. 2017. Т. 62, вып. 4. С. 777–806.
12. Baring M. A. The Mainsprings of Russia. – London: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
13. Baring M. A. Year in Russia. London, 1907. 389 p.
14. Beveridge A. J. The Russian Advance. N.Y.–London, 1904. X, 486 p.
15. Encyclopedia of Jewish folklore and traditions / Raphael Patai, founding editor; Haya Bar-Itzhak, editor: 2 vols. Vol. 1. – N.Y.: M.E. Sharpe, 2013. xvi + 594 + 44.
16. Lee J. C. Across Siberia alone: an American woman's adventures. New York, 1913. 220 p.
17. Pares, B. Russia and reform. London: A. Constable & co., ltd., 1907. 576 p.
18. Rappoport, S. A. Home life in Russia. N.Y.: The Macmillan Co, 1913. 287 p.
19. Schierbrand, W. Russia and her Weakness. A Study of the Present Conditions of the Russians Empire, with the Analysis of its Resources and Forecast of its Future. N.Y.; London: G.P. Putnam's Sons, 1904. xiv, (2), 304 p.
20. Senn, N. Around the world via Siberia. Chicago, 1902. 596 p.
21. Thompson A., Hart R. The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst: The Univ. of Mass. Press, 1970. vii, 180 p.
22. Walling W. E. Russia's Message: The True World Import of the Revolution. N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1917. 231 p.
23. White A. D. A Statesman of Russia. Constantine Pobedonostzeff // The Century Magazine. 1898. Vol. 34. P. 111-118.
24. Young, C. C. Abused Russia. – N.Y.: Devin-Adair, 1915. 109 p.

Поступила в редакцию 18.12.2023

Макурин Андрей Игоревич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры общественных и гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова»
190068, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2а
E-mail: aimdif@yandex.ru

Макурина Вера Владимировна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Российский государственный гидрометеорологический университет»
192007, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Воронежская, 79
E-mail: makurinavv@yandex.ru

A.I. Makurin, V.V. Makurina

PERCEPTION OF RUSSIA IN THE USA: THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND CLERGY IN THE EARLY XX CENTURY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-76-86

The article examines the image of the Russian clergy based on the analysis of journalistic literature, including in the periodicals of the United States. Over a short period of time at the turn of XIX–XX centuries travelers, including scientists, engineers, journalists and politicians, came to Russia. These figures created an English-language narrative, which

had as a result the row publications and created image of Russia. These works provide an opportunity to look at such a significant and small segment of the Russian imperial society as priests from the outside. The description of these groups in society, communicated to the American audience, and accompanied by assessments, contributed to the formation of a certain image of the entire Russian society and state. Therefore, the analysis of journalistic literature about clergy significantly complements the social image of the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

Keywords: orthodox clergy, American journalism, beginning of XX century, image of Russia.

REFERENCES

1. *Ajvazov I. G.* Cerkovnye voprosy v carstvovanie imperatora Aleksandra III-go [Church questions during the reign of Emperor Alexander III]. Moscow, A.I. Snegireva Publ., 1914, [2], 83 p. (In Russian).
2. *Zhuravljova V. I.* Understanding Russia in the United States: Images and Myths: 1881–1914. Moscow, Russian State Humanitarian University Press, 2012, 1136 p. (In Russian).
3. *Konyuchenko A. I.* Pravoslavnoe beloe duhovenstvo Rossii v social'no-demograficheskikh izmereniyah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Orthodox White clergy of Russia in social and demographic indicators (second half of the 19th – early 20th century)]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities], 2005, no. 7 (47), pp. 56–67. (In Russian).
4. *Kuznecov S. V.* Pravoslavnyj prihod v Rossii v XIX v. [Orthodox parish in Russia in the 19 century]. Pravoslavnaya vera i tradicii blagochestiya u russkikh v XVIII–XX vekah: etnograficheskie issledovaniya i materialy [Orthodox faith and traditions of piety among Russians in the 18th–20th centuries: ethnographic research and materials]. Moscow, “Nauka” Publ., 2002, pp. 156–178. (In Russian).
5. *Mironov B. N.* Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu: v trekh tomah [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols]. St. Petersburg, “Dmitry Bulanin” Publ. (DB), 2014, vol. 1, 2014, 896 p. (In Russian).
6. *Pul'kin M. V., Zacharova O. A., Zhukov A. Yu.* Pravoslavie v Karelii (XV – pervaya tret' XX v.) [Orthodox Christianity in Karelia (15 – first third of 20 century)]. Moscow, “Year-round” Publ., 1999, 208 p. (In Russian).
7. *Rozanov A. I.* Zapiski sel'skogo svyashchennika. Byt i navy pravoslavnogo duhovenstva [Memoirs of a rural priest. Life and customs of the Orthodox clergy]. St. Petersburg, [n. a.], 1882, 324 p. (In Russian).
8. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian National Historical Archive]. Fond 804. Prisetstviye po delam pravoslavnogo dukhovenstva pri Sinode [Presence on affairs of the Orthodox clergy at the Synod]; Fond 1574. Pobedonostsev, Konstantin Petrovich, ober-prokuror Sinoda, chlen Gosudarstvennogo soveta [Pobedonostsev, Konstantin Petrovich, chief prosecutor of the Synod, member of the State Council]. (in Russian, unpublished).
9. *Sedova O. V.* Povsednevnyaya zhizn' russkogo duhovenstva v nachale XX veka v povesti D.G. Bulgakovskogo «V storone ot zhizni» [The everyday life of the Russian clergy at the beginning of the twentieth century in the story by D.G. Bulgakovsky “Away from Life”]. Istoriya: fakty i simvoly [The History: facts and symbols], 2018, no. 2 (15), pp. 17–24. (In Russian).
10. *Fedorov V. A.* Russkaya pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period (1700–1917) [Russian Orthodox Church and the State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow, “Russian panoramic” Publ., 2003, 479 p. (In Russian).
11. *Friz Gr.* Religioznaya politika Rossijskoj imperii v Pribaltike [Religious policy of the Russian Empire in the Baltics provinces]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2017, vol. 62, no. 4, pp. 777–806. (In Russian).
12. *Baring M. A.* The Mainsprings of Russia. London: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
13. *Baring M. A.* Year in Russia. London, 1907. 389 p.
14. *Beveridge A. J.* The Russian Advance. N.Y.–London, 1904. X, 486 p.
15. Encyclopedia of Jewish folklore and traditions / Raphael Patai, founding editor; Haya Bar-Itzhak, editor: 2 vols. Vol. 1. N.Y.: M.E. Sharpe, 2013. xvi + 594 + 44.
16. *Lee J. C.* Across Siberia alone: an American woman's adventures. N.Y., 1913. 220 p.
17. *Pares B.* Russia and reform. London: A. Constable & co., ltd., 1907. 576 p.
18. *Rappoport S. A.* Home life in Russia. N.Y.: The Macmillan Co, 1913. 287 p.
19. *Schierbrand W.* Russia and her Weakness. A Study of the Present Conditions of the Russians Empire, with the Analysis of its Resources and Forecast of its Future. N.Y.; London: G.P. Putnam's Sons, 1904. xiv, (2), 304 p.
20. *Senn N.* Around the world via Siberia. Chicago, 1902. 596 p.
21. *Thompson A., Hart R.* The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst: The Univ. of Mass. Press, 1970. vii, 180 p.
22. *Walling W. E.* Russia's Message: The True World Import of the Revolution. N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1917. 231 p.
23. *White A. D.* A Statesman of Russia. Constantine Pobedonostzeff // The Century Magazine. 1898. Vol. 34. P. 111–118.

24. *Young C. C. Abused Russia*. N.Y.: Devin-Adair, 1915. 109 p.

Received 18.12.2023

Makurin A.I., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities
Saint Petersburg Conservatory named after N.A. Rimsky-Korsakov
Glinki st., 2/A, Saint Petersburg, Russia, 190068
E-mail: aimdif@yandex.ru

Makurina V.V., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Social science and Humanities
Russian State Hydrometeorological University
Voronezhskaya st., 79, Saint Petersburg, Russia, 192007
E-mail: makurinavv@yandex.ru